

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТУРИЗМА

В. Л. Каганский
Институт географии РАН

УДК 910.3

НАУЧНОЕ ПЛОДОРОДИЕ РУССКОЙ САВАННЫ

Очерк научных впечатлений путешествия теоретика по Смоленскому Поозерью в июне 2017 года. Впечатления категориально и концептуально оформлены. Условие и сильный ресурс моей оптики в этом путешествии — визуальное, акустическое, эстетически-чувственное до синестезии — свежесть юного лета. Район путешествий — Внутренняя Периферия, здесь меж Подмосковьем и Белоруссией (далее Европой) с одной стороны и между полимагистралями «Москва — Париж» и «Москва — Рига» с другой стороны; периферия среди провинции. Это и погранично-порубежный край, широкая и очень исторически долгая контактно-конфликтная полоса. Смоленское Поозерье — персоногенный ландшафт, это место, ландшафтный район «сделал» в ландшафте и культуре Н. М. Пржевальский; локальный культурный герой. Открыта вместе с Б. В. Родоманом новая формация культурного ландшафта — «Русская саванна». Национальный парк и заповедник — особый фокус культурного ландшафта. Парк — яркий пример экологической конверсии, (попытки) превращения неискоренимых «недостатков» Внутренней Периферии в преимущества. Помещики оставили важный отпечаток в ландшафте, и он используется, музеефицируясь до сих пор — не заменят ли заповедники и национальные парки усадьбы? Новое «зеленое дворянство»? Тысячу лет назад ландшафт был весьма освоен, лесов было меньше, селений больше — именно здесь и проходили разные варианты пути из варяг в греки. Утрачивая аграрно-производственные и селитебные функции и роль оборонительного барьера, край ныне — поставщик экосистемных / геосистемных услуг, колодец, легкие и лесопарк СуперПодмосковья.

Ключевые слова: барьерная граница, внутренняя периферия, контактная граница, культурный ландшафт, национальный парк, персоногенный ландшафт, погранично-переходная зона, путешествие, путешествие теоретика, русская саванна, спонтанная ренатурализация ландшафта; Н. М. Пржевальский, Б. В. Родоман; Смоленская область, Смоленское Поозерье.

V. L. Kaganskiy
Institute of Geography RAS

SCIENTIFIC FERTILITY OF RUSSIAN SAVANNA

Essay on the scientific impressions of the theoretician's journey across the Smolensk Pozerie in June 2017 with the involvement of other impressions. The impressions are categorically and conceptually designed. The condition and strong resource of my optics on this journey — visual, acoustic, aesthetically sensual to synesthesia — the freshness of a young summer. Travel area — Inner Periphery, here between the Moscow Region and Belarus (hereinafter Europe) on the one hand and between the Moscow — Paris and Moscow — Riga polyhighways on the other side; periphery in the middle of the province. This is a border region, a wide and historically very long contact-conflict zone. Smolenskoe Pozerie is a personogenic landscape, this place, a landscape area «made» in the landscape and culture of N. M. Przhevalsky; local cultural hero. Opened together with B. V. Rodoman, a new formation of the cultural landscape — «Russian Savanna». The National Park and Preserve is a special focus of the cultural landscape. The park is a prime example of ecological conversion, (an attempt to) transform the ineradicable «disadvantages» of the Inner Periphery into advantages. The land lords left an important imprint on the landscape, and it is used.

Keywords: Barrier border, Inner Periphery, contact border, cultural landscape, national park, personogenic landscape, border-transition zone, travel, travel theorist, Russian savanna, spontaneous renaturalization of the landscape; N. M. Przhevalsky, B. V. Rodoman; Smolensk region, Smolensk Lake District.

Очерк научных впечатлений путешествия теоретика по Смоленскому Поозерью в июне 2017 г. с привлечением итогов иных путешествий. Впечатления категориально и концептуально оформлены. Главные понятия выделены курсивом, главные суждения отмечены полужирным шрифтом.

Путешествуя в 1999 г. совместно с Б. Б. Родоманом «Москва — **Смоленск** — Любавичи — **Демидов** — **Бакланово** — Усвяты — **Великие Луки** — Москва» (места ночлегов в путешествии выделены), из Бакланово делали маршруты; всего посмотрели Смоленск, Любавичи, Усвяты; до Рудни с нами была Г. В. Лютикова. Это было *путешествие теоретика*, в данном случае адепта теоретической географии — *наблюдение и осмысление обыденного и эмпирического материала непосредственно пронизаны умозрением концептов*. Конкретные, индивидуальные места, объекты, события в таком жанре путешествия предстают семействами взаимопронизывающих концептов [12], наложением концептуальных полей.

Именно на этом пути и именно таким способом мы увидели, опознали, уяснили, назвали и описали возникающий если не буквально на наших глазах, то во время нашей активной жизни новый взрывной тип / формацию культурного ландшафта **Русская саванна** — поля зарастают вначале отдельными деревьями, как в настоящей тропической саванне: вид яркий и крайне необычный для наших широт и долгот. Имя этому явлению дал Родоман; совместная статья-первоописание феномена была в главном обдумана и обсуждена еще в пути [11], позже я дал свою версию с иными акцентами и суждениями, что не вошли в совместную статью [6].

Вторично я путешествовал в этих местах в июне 2017 года — Смоленское Поозерье и одноименный национальный парк; стоял в **Пржевальском**. Полторы тысячи его квадратных километров пересекал автомобильными, смешанными и пешими маршрутами. Здесь я делюсь отдельными концептами.

Путешествие должно совмещать места пройденные и новые; сравнительный подход вдвойне. Этот край я давно очертил маршрутами — автобус, поезд, самолет. Ездил и летал в Литву, Германию, Польшу, Восточную Пруссию; студентом был на практике в Белоруссии (и позже наезжал), путешествовал по Псковской и Тверской области.

Понял я сразу — это *путешествие по референтам своих концепций*. Именно потому здесь так много ссылок на собственные работы...

Именно такова **Внутренняя Периферия** [2] меж Подмосковьем и Белоруссией (далее Европой) с одной стороны

и между полимагистральями «Москва — Париж» и «Москва — Рига» с другой стороны; периферия среди провинции [5].

Барьерная / контактная граница [3] «Московская Евразия / Европа»; череда подвижных рубежей — военных, политических, культурных, конфессиональных, экономических etc; смены статусов, ориентаций, направлений тяготений и связей. Разлита и граница «Европа / Азия», «Европа / Россия», если это не фантом, не культурная фикция. Войны и фронты. Все сдвигаемый на запад экотон «русский — белорусский язык» (этнос), начинавшийся еще исторически совсем недавно у Вязьмы. Конец (начало) сферы магдебургского права и черты оседлости. Близко Любавичи: (парциальная) столица мира (шок себеоседников) для полумиллиона хасидов. (Стоило бы охватить Парком, но такое суждение вызвало недоумение).

Континуум границ [7]: в ландшафте края не заметно отчетливых, резких, «вдавлившихся в земную плотность» резких рубежей, — но ведь это погранично-порубежный край, широкая и очень исторически долгая контактно-конфликтная полоса. В чем же дело? Дообдумал именно здесь мелькавшую ранее мысль-наблюдение: *впечатана, вросла в ландшафт не кратковременная сильная граница, его организовала / преобразовала, закрепились — а стойкая, устойчивая, постоянная*. Границы же здесь веками меняли местоположение, метались и лишь *размывали места* и районы. (Вот и ход на все растущую у меня типологию погранично-переходных зон...).

И еще — национальный парк и заповедник — особый фокус культурного ландшафта [4], здесь Парк чуть ли не главный работодатель и несомненно — основа идентичности округа. Есть и музей Н. М. Пржевальского, но нет маршрута / тропы «Охотничьи прогулки Пржевальского» (а стоило бы — показало, как изменился край).

Заслоненный регион [10] — наличию месту края в образе страны мешают более крупные, сильные, яркие соседи¹. В образе России нет Смоленщины.

Ярчайшее впечатление, условие и сильный ресурс моей оптики в этом путешествии — визуальное, акустическое, эстетически-чувственное до синестезии — свежесть. Смысловая и сенсорная рамка впечатлений². Весна сильно запоздала — начало июня было ее концом. Сочная, свежая разноцветная зелень, трава лишь по щиколотку. Обилие и разнообразие цветов в двух смыслах, поля, целиком залитые лиловыми лупиносами; в нашем ландшафте лилового цвета немного. Оры / хоры птиц. Наслаждался акустикой ландшафта. Даже

на мой тупой слух здесь гораздо больше птиц, нежели в Подмоскowie — местные орнитологи подтвердили. Здесь одновременно поющих птиц куда больше. Я, конечно, не мог пере- считать, но казалось — более 10. Оказалось — больше 20-ти, а в Подмоскowie я различаю при- мерно 5–7. Весеннее цветущее разнообразие, очень яркое ощущение свежести еще и потому, что рано вставал. Это меня бодрило, обостряя душевные и интеллектуальные чувства.

Ощущение молодости лета. Обильное разно- образие молодых лесов — два, пять, семь, десять ... лет. Такого никогда не видывал. Даже не знаю, можно ли это назвать «лес», с какого возраста зарастающее соснами поле, а под ними цветущие лупиносы, станет лесом. Или молоденькие дубки над черничником в сосняке.

Команда Петра I создала Петербург, реали- зуя импортированный проектный образ куль- турного ландшафта, хотя в геоисторически особом месте. Смоленское поозерье также — **персоногенный ландшафт**, и место также предуготовано. Это место, целый ландшафт- ный район «сделал» в ландшафте и культуре путешественник, естествоиспытатель, гене- рал-генштабист Н.М. Пржевальский; он считал это важным «географическим открытием». Описываемый ландшафт «создан» в культур- ном и эпонимическом смысле, преобразован и выделен силами и именем одного-единствен- ного человека. *Н. М. Пржевальский — и локаль- ный культурный герой и культурный герой полусостоявшейся Русской Внутренней Азии.* Устав от нее и от шумного светского успеха, ища уединенный вдохновляющий ландшафт для обработки материалов и подготовки новых дерзких маршрутов, Пржевальский поки- нул семейную усадьбу близ железной дороги и искал место: поселиться — работать — охо- титься; заядлый охотник; дичь опять обильна. Цепочка озер в лесистом ландшафте; вокруг усадьбы охотников. Так ли был сделан выбор? Купил поместье в селеньице Слобода, тогда было пять дворов. Сейчас поселок в пол- торы тысячи жителей, центр Парка; санато- рий, гостиницы, спортшколы, детские лагеря, фестивали — всё Пржевальский³.

Утратив старые леса и сократив визуальное разнообразие за счет зарастания полей, место сохранило **вдохновляющие ландшафты**; ясно ли это самому месту — местному сообще- ству — похоже, отчасти да. Это дефицитней- ший ресурс.

Место национального парка было задано пространственной структурой культур- ного ландшафта Смоленского региона, предо- пределено. Яркий живописно-привлекатель- ный ландшафт: интересно показывать и важно в научном и культурном отношении сохранять.

Цепочка красивых рекреационно ценных озер в окружении (молодых после сплош- ных рубок) лесов. Самое большое озеро — Сапшо, на его высоком берегу и стоит усадьба. Озеро Пржевальский сравнивал с Байкалом, в этом есть резон — высокие берега, хорошие виды и поскольку берега высокие и селения на 40–50 метров выше озера, то выглядит оно до сих пор чуть не девственной природой; под- тверждаю — был на Байкале именно накануне Поозерья. Национальные парки должны пара- доксом совмещать транспортную доступность и уединенность. Смоленскую область сечет трансконтинентальная магистраль «Атлан- тика — Пасифика», к северу «Москва — Рига», пространство нарублено на порции шоссе. Примыкает парк и к старой границе губерний и областей, что повышает его устойчивость и сокращает тривиальные нагрузки. Совмес- тим транспортную сеть Смоленской области и природные локусы (просто лесистые ареалы) и увидим — лишь одна ячейка региона отве- чает всем требованиям — а транспортный доступ и культурный статус «обеспечил» Пржевальский. Вот так и возник национальный парк, хотя его «обосновывали» годы, потратив огромные средства...

Парк — явный и даже яркий пример эко- логической конверсии, (попытки) превраще- ния неискоренимых «недостатков» Внутрен- ней Периферии в преимущества [2], но полное замещение былой аграрной освоенности и заселенности новой рекреационной, разуме- ется, невозможно (по крайней мере здесь).

От усадеб мало что осталось, цел один храм и один храм в руинах, есть руины построек, но целы замечательные старые дере- вья, самые старые деревья всей территории. (И в Подмоскowie так — самые старые если не леса — а то и леса — то деревни в середине региона, а не на его мнимо природно-лесистой окраине — инверсия по местоположению!). Почти нет уже девственных лесов, всё вырубалось неоднократно (миф России как «Великой Лесной Державы?»), это именно старые липы и лиственницы на месте бывших усадеб. И здесь возникает два любопытных обстоятельства.

Исчезнувшие (уничтоженные) век назад помещики оставили важный отпечаток

¹ Главой местной епархии РПЦ МП долго был ее нынешний гла- ва — но это ничего не изменило для образа края и его пере- живаемой / осознаваемой идентичности.

² Такое надо интроспектировать в самом путешествии и фикси- ровать в дневнике — заметно влияет на ход путешествия и его текущее осмысление; в постпутешествии же рефлексировать.

³ Сам Николай Михайлович Пржевальский и его место, селение Пржевальское с округой, ныне ядро Парка — герои новой художественной литературы. Такова прекрасная книга Люд- миль Горелик «Нефритовая лошадь Пржевальского» — М.: Эксмо. — 2021; книга ландшафтно верна.

в ландшафте, и он используется, музеефицируясь до сих пор; крупное достояние, социальный, природный и культурный капитал. В современном ландшафте большей части Северной Евразии нет функционального эквивалента этих культурных очагов: продвинутое земледелие, семеноводство и агрономия, породистый скот, агрокультура; школа, больница, парк, библиотека, обогащение и окультуривание природной основы ландшафта с формированием культурного ландшафта в сильном смысле. Гости из столиц наезжают и потом описывают эти / такие места, вводя в национальную и мировую культуры и эти места и сами типы ландшафта, и весь местный колорит (напр. «Записки охотника»). *Без поместного дворянства ландшафт (не только наш) многое утратил. Усадьбы заменить нечем...*

Но иная идея блуждает в сознании / под-сознании практических экологов — *не заменят ли заповедники и национальные парки усадьбы?* Экологи — не дворяне, но есть явные признаки некоего поместного «сословия». Оно глубоко и по-особому, нежели просто местное население и разные пришельцы / посетители сопряжено с местными угодьями, хорошо и отчасти глубоко знает всю местную округу, ответственно за неё, ощущает и репрезентирует эту ответственность, считает себя вправе распоряжаться территориями ООПТ (и даже шире) «для общего блага», и притом интенсивно связано с большими городами и большой культурой... Наблюдал эти атрибуты сообщества «заповедных» экологов многократно и многоместно... *Новое «зеленое дворянство»?!?*

Еще одно наблюдение — и локальное и обширно-общее. На всей северной половине Европейской России сельское хозяйство исчезает. Но *исчезает и сельская местность*, сельское расселение, что куда важнее (и опаснее!). Процесс сворачивания сельского хозяйства идет здесь полтора столетия после постройки железных дорог, которые обеспечили возможность развертывания товарного сельского хозяйства в южной степной плодородной половине тогдашней Европейской России. И эта местность стала терять население, распашка сокращалась. Сельское хозяйство просто не выдерживало конкуренции с более южными районами. В пореформенные времена, когда крестьяне стали лично свободными, сельское хозяйство здесь еще держалось за счет сочетания в основном натурального хозяйства с дополнительными занятиями — территории давали много отходов и большую часть рабочего времени крестьяне проводили вне своих околотков; промыслы и сельская промышленность. Местами сельское хозяйство уже тогда становилось подсобным

(страховым), как в Кимрах — до революции официально формально село и крупный производственный и торговый центр, столица российской обуви.

После коллективизации, запрета отходничества и промыслов (были уничтожены), крестьяне были прикреплены к земле и занимались сельским хозяйством в колхозах и совхозах, ведя подсобные хозяйства либо просто бежали. Сельское хозяйство в этой зоне поддерживалось насильем, за счет прямых и косвенных дотаций, капиталовложений и строительства дорог и т.д. В СССР зона унижающе симптоматично называлась — «Нечерноземная зона». Когда это кончилось, а ничего уже не было, кроме сельского и лесного хозяйства и небольшой местной промышленности (по инерции еще шла поддержка в 1990-е гг.), сельское хозяйство начало исчезать, и вся эта огромная территория зарастает лесом.

И вот на этой территории я видел леса на месте полей и деревень от 150-летнего возраста до двух-трехлетнего. Изменения разительные. Тогда мы с Родоманом прошли деревни, где еще теплилась жизнь, а сейчас не к деревням, а к месту этих деревень уже нельзя пройти, — вырос лес достаточно большой, чтобы быть непроходимым, и дороги зарастают лесом.

При том, что эти места по прямой от моего дома в четырехстах километрах и в шести-семи часах езды — различия с Подмосковьем разительны. *Здесь даже в чисто природном отношении ландшафтная специфика очень значительна. Я ощущал себя как географ одновременно значительно западнее и значительно севернее моей ландшафтно-географической родины — Большого Подмосковья.*

Западнее — большее разнообразие растительности, особенно заметен разнообразный подлесок сосновых и еловых лесов, обилие дуба его возобновление (есть все возраста). множество вязов, а их вообще нет в Подмосковье. В Подмосковье, кроме Заочья (Московская область — но географически это не лесное по исходному ландшафту Подмосковье, а лесостепь) дуб не возобновляется. Очень отрадное впечатление оставляли молодые дубки, особенно в таком колоритном сочетании, когда под пологом старых сосняков они поднимались над сплошным черничником. Обилие липы не только на месте усадеб, обилие орешника, рябины, густой и богатый подлесок. Западнее — теплее, ближе Гольфстрим, мягче климат.

Севернее — гораздо более молодой рельеф, куда свежее ледниковый рельеф (ближе Скандинавия), прекрасно выражены камы и озы — характерные формы послеледниковых отложений⁴, которых меньше в Подмосковье; очень

молодая речная сеть, обилие озер, которые ныне спускаются эрозией; в историческое время на территории было гораздо больше озер. *Более западная, более северная, более молодая, более ледниковая, более европейская...* — общее впечатление.

На девяти десятых этой территории медведей больше, чем людей. Стоит построить карту всей России и взглянуть, где больше медведей, а где людей. Медведь животное гораздо более близкое к человеку, чем кто-либо еще. Может быть это будет универсальный индикатор — учеты медведей ведутся. Я был в краю, где опять преобладают не люди, а медведи, и медведи там ходят по бывшим селам. Некогда именно обилие медведей при безлюдности поражало путешественников из недалекой Европы.

Очень интересно (не говорю об этической стороне дела), что весь этот край — это **руины** былого культурного ландшафта. Почти полностью уничтоженные культурные следы Польши и Литвы, только руины, отдельные фрагменты в городах. Уничтожено еврейское население и следы его деятельности. Мемориализации этого прошлого почти нет... Практически исчезающая сельская местность и многое-многое другое. Эстетика, этика, поэтика руин. Если поля превращаются в естественное состояние, то оскалы руин советских ферм, дворцов культуры и проч. производят безотрадное впечатление — и никакой рекультивации...

Хорошо наблюдаемы сильные и разнообразные процессы того, что мой покойный друг и коллега Дмитрий Люри описал как **постагrogenные сукцессии** [12]. Все фазы зарастания полей. Можно говорить о постагrogenной сукцессии как спонтанным возобновлении растительности, а можно — о том, что происходит, **вторичная спонтанная ренатурализация культурного ландшафта** [6]. Ландшафт опять же возвращается в то состояние, если это действительно, то состояние, в котором он был полторы тысячи лет назад, потому что как раз тысячу лет назад ландшафт был весьма освоен, лесов было меньше, селений больше — *именно здесь и проходили разные варианты пути из варяг в греки* (археология полностью подтверждает).

Территория не раз переживала радикальную смену главных направлений связи. Ныне через Москву, западное Подмосковье, Смоленскую область и Белоруссию проходит главная магистраль и транспортно-инфраструктурная ось Евразии «Запад — Восток», а тысячу лет назад здесь главной магистралью была «Север — Юг», ось Древней Руси как Скандовизантии Д. С. Лихачева. Вергится

стрелка геополитического, геоэкономического и геокультурного компаса. Была транспортная полимагистраль, потом примерно по ней прошла могучая культурно-политическая граница, рубеж очень высокого ранга — и это в судьбе историко-культурного ландшафта отпечаталось явно. Тема крайне интересная. Нельзя же исключать, что когда-то эта территория опять будет освоена, леса опять будут сведены и так далее.

Поразительна безлюдность этих мест. За час езды от Минского шоссе до Демидова воскресным вечером — три-четыре машины, три-четыре поворота на исчезающие деревни. Ни одного рекламного щита, ни одной автобусной остановки, ни одной заправки. И это дорога от областного центра до районного, а потом ощущение огромной вторичной пустынности, что вполне подтверждается и данными — плотность населения на территории национального парка — 1 (один!) человек на км². Плотность населения Москвы — десять тысяч человек на км². Но если учесть, что почти всё население территории национального парка сосредоточено на 1/10, а на 9/10 люди бывают эпизодически, и плотность населения там самое большее 1/100 чел / кв. км, то получается, что за несколько часов ты проходишь градиент в миллион раз. 10 000 — 0,01 — *десять тысяч и одна сотая — это миллион*, градиент плотности населения внутри давно и по российским меркам хорошо освоенных территорий, между международными аэропортами, столицами стран и т.д.⁵. Куда сильнее, чем в Средней Сибири.

Утрачивая аграрно-производственные и селитебные функции и роль оборонительного барьера, край ныне — поставщик экосистемных / геосистемных услуг, колодец, легкие и лесопарк СуперПодмосковья.

Быстро меняющийся ландшафт — спонтанный автоэксперимент...

Средоточие креативных ресурсов?!

Владимир Леопольдович Каганский

к. г. н., старший научный сотрудник Института географии РАН,
г. Москва;
kaganskyw@mail.ru

⁴ Тропы и (старые) дороги нередко идут по верху озов — также экзотика.

⁵ При «пробной площади», размера окрестности для плотности населения примерно в 100–102 кв. км.

Библиографический список:

1. Каганский В.Л. Смоленск и Тверь // URL: http://old.russ.ru/journal/odna_8/98-08-05/kagan1.htm (дата обращения 20.10.2021).
2. Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН, сер. географ., 2012.
3. Каганский В.Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982.
4. Каганский В.Л. Заповедник как элемент и фокус культурного ландшафта // URL: <https://pandia.ru/text/80/288/78790.php> (дата обращения 15.11.2021).
5. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: НЛЮ, 2001.
6. Каганский В.Л. Новая природная зона: Русская Саванна // Русский журнал: URL: <http://www.russ.ru/pole/Novaya-prirodnaya-zona-Russkaya-savanna>. (дата обращения 12.11.2021).
7. Каганский В.Л. Природоохранная деятельность и ценность границ // Уч. зап. Тартус. ун-та. Вып. 704. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1985, с. 96–101.
8. Каганский В.Л. Ситуация границы и логико-семиотические типы границ // Междун. журнал исследований культуры. 2015, № 4.
9. Каганский В.Л. Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М-Смол.: СГУ, 1998, с. 72–101.
10. Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Неизвестная Чувашия // Отечественные записки, №1, 2003, с. 291–308.
11. Родоман Б.Б., Каганский В.Л. Русская саванна // География, 2004, № 5.
12. Люри Д.И. Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г. Динамика сельскохозяйственных земель в России в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв». М., ООО «Издательство ГЕОС», 2010. 415 с.